

«ПОДВИГ ДЖАЛИЛЯ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПРИУКРАШИВАНИИ»

В 1989 г., работая в пресс-службе КГБ ТАССР, я получил тезисы доклада к 70-летию советской разведки. Тезисы давали достаточно обширную информацию о деятельности наших разведывательных органов в разные годы. Знакомясь с полученными материалами, я узнал немало о достижениях наших разведчиков в добывании ценной разведывательной информации, как политического, так и военного характера. И вдруг, наряду с этим, я узнаю, что разведка получала сведения и документы, имеющие большое историко-культурное значение. В этом плане приводился пример о том, как резидент советской разведки в Италии Николай Горшков заполучил и передал в центр Моабитские тетради Мусы Джалиля.

Я знал историю Моабитских тетрадей поэта, которые были получены от бельгийского антифашиста Андре Тиммерманса. Никогда ни в каких публикациях о Мусе Джалиле Николай Горшков не упоминался. Я понял, что речь идет об абсолютно неизвестных тетрадях поэта. Начальник следственного отдела подполковник Р. Г. Гайнутдинов, который в КГБ на тот момент был наиболее осведомленным в материалах о М. Джалиле, подтвердил, что имя Горшкова ему неизвестно и согласился с моими предположениями, что речь идет о неизвестных тетрадях. Руководство КГБ в лице генерал-майора Р. Г. Калимуллина* поддержало мою

* Калимуллин Рафаэль Гумерович (р. 1942), выпускник Кузбасского политехнического университета. С 1971 г. — сотрудник Управления КГБ при СМ СССР по Кемеровской области, руководил оперативно-техническим и

инициативу встретиться с Н. М. Горшковым в Москве.

В апреле 1991 г. я выехал в Москву вместе с режиссером фильма «Джалиль. Страницы борьбы» Н. К. Валитовым*. К моей информации о том, что, возможно, имеются какие-то неизвестные записи М. Джалиля, он отнесся скептически, но согласился поехать в Москву и сделать съемки беседы с Н. М. Горшковым.

Встреча с Горшковым проходила на его квартире. Оказалось, что он наш земляк, выпускник Казанского авиационного института. Много интересного рассказал Николай Михайлович о своей службе. Но нас в первую очередь интересовала информация о тетрадях М. Джалиля. Горшков нам сообщил, что он, как резидент советской разведки, работавший под дипломатическим прикрытием, возвратился в Италию вместе с союзными войсками в 1944 г.** Занимался различными вопросами и как дипломат и как разведчик. По его словам, однажды к нему обратился один человек с просьбой принять записные книжки некоего Мусы Джалиля, который содержался немцами в тюрьме Маобит и был впоследствии казнен. Как рассказывал Горшков, в то время он не знал, что Джалиль — татарский поэт. Но, по его словам, предположил, что раз он содержался в тюрьме Маобит, то, значит, сильно насолил немцам, так как в этой тюрьме находились только государственных преступники. Через некоторое время ему прислали записные книжки в Москву. Впоследствии Горшков узнал, что М. Джалиль был удостоен звания Героя Советского Союза и посчитал, что те записные книжки, которые он переслал в центр, — это Моабитские тетради поэта.

Н. К. Валитов скептически отнесся к услышанному, уж слишком невероятные были сведения о новых тетрадях Джалиля. А старый разведчик мог

Н. К. Валитов. Казань, конец 1980-х — начало 1990-х гг. Из личного архива автора.

допустить неточности из-за своего преклонного возраста.

Валитов имел все основания сомневаться. Общаясь с ним, я удивлялся его осведомленности о деталях пребывания Джалиля в плену. Работая над фильмом «Джалиль. Страницы борьбы», он действительно изучил огромное количество архивных материалов, встречался со многими бывшими legionерами «Идель-Урала». При этом он прекрасно помнил содержание каждого архивного дела, а устные свидетельства бывших пленных и legionеров приводил наизусть, давая каждому точный психологический портрет.

Тем не менее по приезду в Казань нами был сделан официальный запрос в Первое Главное управление КГБ СССР насчет поступления в центр тетрадей М. Джалиля. 6 июня 1991 г. пришел ответ за подписью начальника Первого Главного управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Л. В. Шебаршина, в котором, в частности, говорилось, что в архивном деле переписки с римской резидентурой за 1946 г. (а не в 1944 г., как сообщил Н. М. Горшков) в числе многих других материалов в центр были

контрразведывательными отделами.

* Валитов Наиль Камильевич (1940–2009), кинорежиссер, заслуженный деятель искусств ТАССР. В 1973–1988 гг. — кинорежиссер Казанской студии кинохроники, председатель правления Союза кинематографистов ТАССР (1981–1993), основатель Татарского киновидеоцентра (1990–1994). Снял фильм «Джалиль. Страницы борьбы» (1976).

** В Италии Н. М. Горшков работал и до войны.

направлены девять записных книжек, принадлежащих Мусе Джалилю, Абдулле Алишу, Фуаду Булатову, Гарифу Шабаету, Сайфуле Малюкову, Абдуле Баталову и Ахмеду Симаеву.

В указанном документе также сообщалось, что книжки принес в посольство некий Казим Миршан, 1921 года рождения, уроженец г. Кульджа, который заявил, что все эти лица находились в плену у немцев и 7 ноября 1944 г. были расстреляны в Дрездене. Перед арестом они все якобы просили Миршана взять все записи и передать их на родину.

Сообщалось также, что была найдена копия сопроводительного письма о направлении девяти записных книжек в ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР генерал-лейтенанту Бабичу.

Далее в письме сообщалось, что дальнейшая судьба записных книжек неизвестна*.

Этот документ — еще одно свидетельство того, что патриоты-антифашисты, зная, что погибнут, всеми силами стремились сообщить на родину, что вели борьбу с фашизмом. А как сообщить? Ясно, что они не могли открыто написать о той подпольной работе, которую вели. Если бы такие сведения попали к немцам, то они бы сразу же раскрутили всю цепочку событий. Им бы было легко потом все доказать и, возможно, выйти на других участников подпольной деятельности, которые не были арестованы. Поэтическое слово должно было засвидетельствовать их борьбу. Уже потом появляются другие свидетельства.

В архиве службы безопасности Казахстана хранится архивно-уголовное дело № 636 в отношении одного фельдшера-рентгенолога**. 28 сентября 1950 г. на допросе он сообщил, каким образом попал в плен и в Волготатарский легион «Идель-Урал», а также о том, как был завербован немецкой контрразведкой и какие задания выполнял. Его завербовал капитан, и он нахо-

дился на связи у фельдфебеля. Вот что собственноручно он написал:

«[...] дал задание подобрать среди легионеров подходящего грамотного человека, который мог бы работать с нами, и тут он намекнул на унтер-офицера [...], который только что приехал с боевых операций и имеет награду. [...] поручил мне его изучить и о результате доложить ему при очередном вызове. Я это поручение также принял к выполнению.

После этого через несколько дней ко мне в санчасть пришел [...]. В разговоре с ним я ему сказал, что немецкий фельдфебель [...] подбирает себе подходящих людей. Если он, [...], желает, я могу его представить [...] на беседу, на что [...] дал свое согласие. На этом беседе с ним я закончил... На следующий день после обеда я вместе с [...] пошел к [...]... После этого [...] спросил [...], согласен ли он работать в “агитгруппе”, на что последний ответил положительно. На следующий день [...], придя в санчасть, встретившись со мной, рассказал мне о полученном им задании от [...] по выявлению антифашистки настроенных лиц среди легионеров так называемого “культвзвода” и что для этой цели он будет переведен на службу в названный взвод...

Однажды днем ко мне в санчасть пришел [...], который принес 2 экземпляра прокламаций на русском языке антифашистского содержания. Он меня проинформировал, что эти прокламации он обнаружил под матрацем у одного легионера, что таких прокламаций там хранится очень много. Я тотчас же вместе с [...] пошел к фельдфебелю [...] докладывать об этих прокламациях. Он находился дома вместе с переводчиком, мы его проинформировали в отношении обнаружения прокламаций и передали их [...]. Выслушав нас и прочитав прокламации, [...] в моем присутствии дал задание продолжать вести наблюдение за тем легионером, у которого были обнаружены вышеуказанные прокламации, и о результатах информировать его. Примерно через день-два ко мне пришел [...] и проинформировал меня о том, что прокламации антифашистско-

* Поиски записных книжек в различных архивах, в том числе в архиве Главного управления контрразведки «СМЕРШ», результатов не дали.

** По этическим соображениям здесь и далее по документу фамилии опущены.

го содержания скоро будут распространяться среди легионеров по всем подразделениям. При этом он мне назвал фамилии легионеров Сайфулмуликова, Баталова и других (фамилии остальных легионеров сейчас не помню), которые будут участвовать в распространении прокламаций. Кроме того, он мне сообщил, что вышеуказанные легионеры после распространения прокламаций собираются бежать к партизанам и что предлагали также поступить и ему, [...]. Выслушав [...], я вместе с ним пошел об этом докладывать [...].

После этого на второй день фельдфебелем [...] были произведены аресты и обыски, всего было арестовано 9 или 10 человек легионеров, в том числе Сайфулмуликов, Батталов, Хисамутдинов, [...] и другие. Впоследствии я слышал, что арестованных повезли в Берлин. Примерно через месяц [...] из-

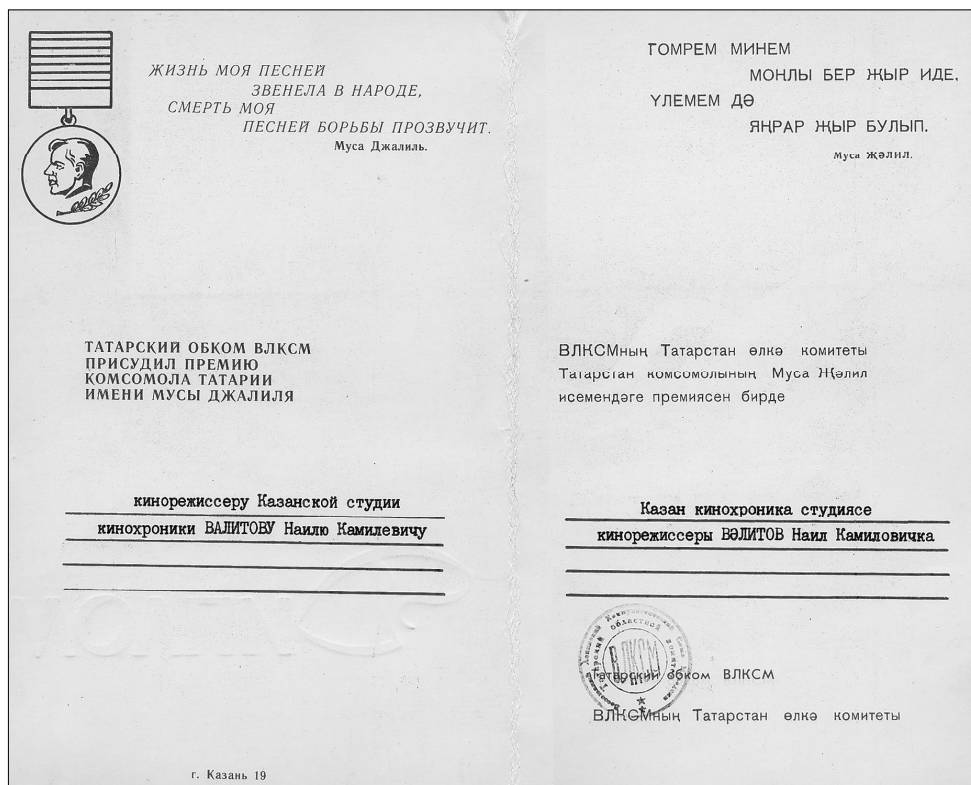
^{*} Его арестовали, дабы зашифровать как агента. О том, что он предатель, М. Джалиль сделал заметку на обложке блокнота со стихами, попавшего впоследствии на волю.

под стражи был освобожден и прибыл обратно в легион».

17 ноября 1950 г. к своим показаниям фельдшер добавил: «По моим совместно с [...] доносам в августе 1943 года на ст. Едлино немцами было арестовано около 10-11 человек легионеров из так называемого “культвзвода”. В том числе, как мне помнится, были арестованы: Батталов Абдулла, Сайфульмуликов, Курбанов (Мичурин), Салихов (фельдфебель), Фатхуллин, Муса Жалил, Хисамутд[и]нов, [...] и другие, фамилии которых не помню»^{**}.

Совместная работа по поиску новых сведений о Мусе Джалиле сблизила нас с Н. К. Валитовым. Характер у него был не простой, а в общении с коллегами по профессиональным вопросам бывал и крут. Но что касается взаимоотношений с младшими по возрасту — это был внимательнейший, заботливейший человек. За месяц до кончины Наиль по-

^{**} Копия документа хранится в личном архиве автора вступительной статьи.

Диплом лауреата премии комсомола Татарии им. М. Джалиля Н. К. Валитова, выданный ему за фильм «Джалиль. Страницы борьбы». Казань, 1980 г. Из личного архива автора.

звонил мне и попросил прийти. Он был уже довольно слаб физически, но энергичен в общении, рассудителен и точен в выражениях. Говорили о многом, в том числе и о Джалиле и его соратниках*. Не обошли мы и повторяющиеся попытки некоторых лиц принизить героизм Джалиля и его соратников. Я ему сказал: «Наиль, ты много знаешь, напиши!» — «Ты знаешь, мне уже некогда». 25 января 2009 г. Наиль умер.

При всей горячности и ершистости Наиль Камильевич был очень скромным человеком. Никогда не выпячивал себя, что не характерно для людей творческих профессий. Я был свидетелем

* Примечательно, что из подпольщиков он особенно выделял Р. С. Саттарова, называя его «умницей», дальнейшая судьба которого для него так и осталась тайной.

того, как свои задумки, будь то в работе над сценарием, в операторской работе и т. д., он всегда приписывал другим. И свои похороны попросил сделать очень скромными. «Умер лучший режиссер республики», — услышал я тихий голос оператора Э. Золотдинова, стоя у могилы.

Вдова Наиля Валитова передала мне те немногие документы, которые остались после смерти мужа.

Удивительным оказалось то, что среди них я нашел такие, которые стали как бы ответом на мое предложение Наилю написать о Джалиле. Это его воспоминание о работе над фильмом «Джалиль. Страницы борьбы» и его сценарная заявка на фильм «Джалиль. Реабилитация, которой не было», поразительно созвучная времени.

№ 1. Воспоминания Н. К. Валитова о работе над фильмом «Джалиль. Страницы борьбы»

Не ранее 1980-х гг.*

В качестве дипломной работы на Казанской студии мне был поручен плановый фильм о поэте-герое Мусе Джалиле.

К моменту моего приезда в Казань сценария фильма еще не было, первый вариант был возвращен авторам Р. Мустафину и А. Сажину на доработку с большим количеством замечаний. Пока сценарий дорабатывался, я собрал и прочел практически все, что было опубликовано о Джалиле и джалильцах за последние двадцать лет.

Кроме явных противоречий, в этих публикациях настораживал один существенный момент: все авторы избегали мотиваций перехода, пусть мнимого, но все-таки перехода Джалиля на сторону немцев. Получалось, по меньшей мере, странно; перешел, чтобы развернуть подпольную работу — и все тут. Его, что, позвали? Сам попросился? Эти вопросы можно продолжить до бесконечности, ответ на них я так и не нашел.

[М. Джалиль] — человек, которого знала и любила Татария. Портреты в школьных хрестоматиях. В любой татарской деревне поют его песни. Депутат городского Совета. Автор первой татарской оперы. Неужели ведомство Шеленберга, а именно оно курировало со стороны РСХА** национальные комитеты, не смогло бы использовать в своих целях сам факт согласия такого популярного человека сотрудничать с фашистами? Широко известно, что до определенного момента Джалиль скрывался под фамилией Гумеров. И вдруг в профашистском националистическом комитете «Идель-Урал» появляется новый сотрудник Муса Джалиль.

«В фашистских концлагерях Джалиль читал свои патриотические стихи, звал на борьбу...» и т. д. — еще одна неясность. В каких лагерях? Как читал? Зная из литературы, насколько густой и эффективной была агентурная сеть абвера и гестапо, можно только удивляться, как его за подобную деятельность не уничтожили в первые же дни плена. Или его использовали как невольного провокатора?

Работая над этими публикациями, я понял, что необходимо подробно, шаг за шагом, проследить путь Джалиля от момента пленения до дня ареста его гестапо. И начинать надо было с архивов.

* Дата установлена по времени выхода фильма «Джалиль. Страницы борьбы» (здесь и далее подстрочные примечания автора вступительной статьи).

** РСХА (нем. RSHA, сокр. от Reichssicherheitshauptamt — Главное имперское управление безопасности), центральная служба разведки, контрразведки и репрессий в фашистской Германии.

По рекомендации ОК КПСС студия обратилась за помощью в КГБ при СМ ТАССР. Комитет дал разрешение на доступ к архивам и назначил для консультаций руководителя одного из отделов М. Л. Минуллина*.

Когда авторы представили окончательный третий вариант сценария, у меня сложилась достаточно полная картина событий, участником которых оказался Джалиль.

В июне 1974 г. художественный совет студии принял сценарий условно. И его вместе с написанной в дополнение режиссерской экспликацией отправили в Госкино РСФСР. Госкино отверг сценарий, предложив студии заказать новый, на основе экспликации.

Начиная работу над новым сценарием, мы с М. Минуллиным (ему студия поручила эту работу) поставили перед собой несколько отличные от прежних авторов задачи.

Во-первых, исходя из объема фильма (2 части) нужно было четко обозначить себе время действия фильма. Мы выбрали самый сложный период жизни поэта — с 26 июля 1942 г., когда тяжело раненный, он попал в плен, и до дня гибели его 26 августа 1944 г. Эти два года были определены всей его предыдущей жизнью. Именно в это время проявились лучшие черты Джалиля, поэта и коммуниста. В это время, возглавив подполье, совершил он свой гражданский подвиг и в ожидании казни, когда казалось сил уже не остается ни на что, написал ставшую знаменитой на весь мир «Моабитскую тетрадь», завершив свою жизнь подвигом поэтическим.

Во-вторых, исследователи и журналисты, не обладая всей полнотой информации, из лучших, правда, побуждений — в своих публикациях так приукрасили, а потому и запутали картину событий, что Джалиль представляется читателю то как профессионал-разведчик, с одной стороны, или безрассудно-храбрый борец с фашизмом вообще — с другой.

Подвиг Джалиля не нуждается в приукрашивании: итог его жизни говорит сам за себя. Но нельзя же исходя из результатов отрывать живого человека от реальных обстоятельств, которые оказались сложнее и страшнее любого журналистского вымысла.

Новый сценарий был написан М. Минуллиным к декабрю 1974 г. и после утверждения Госкино запущен в производство.

Пока шла работа над сценарием, руководство студии разрешило мне просмотр и отбор трофейной хроники в спецархиве Госфильмофонда, а также предоставило возможность поездок для встреч с бывшими военнопленными.

К моменту запуска фильма в производство я обладал большим количеством свидетельств, документов, фотографий.

Чтобы систематизировать полученную информацию, пришлось изготoвить сводную информационную таблицу. Мы назвали ее «Мозаика». Это был большой лист белой пластмассы (размером 2х1,5 м), разделенный на ячейки, куда карандашом записывались все имеющиеся сведения. Мозаика заполнялась свидетельствами очевидцев, показаниями из архивных дел, выписками из трофейных документов по мере получения информации. Такой способ записи позволил с точностью до недели, а иногда и до дня, установить, где находился интересующий нас человек и что происходило в это время в лагерях или легионе. Отпала надобность перебирать записи, книги, уголовные дела.

Мы имели показания одного из членов комитета «Идель-Урал» о времени прибытия Саттара и Алиша в Вустрау — середина ноября.

В мозаике в графе «Хабибуллин» было записано, что Алиш, прощаясь с ним, пожаловался: «Его преследует роковое число, в это число месяца он ушел в армию, этого же числа попал в плен, этого же числа его отправляют из Сельдце». Но самого числа Хабибуллин не помнил. В архивах мы обнаружили трофейную «Учетную карточку военнопленного» Алиша, где стояло: пленен 12 апреля 1942 г. В Татвоенкомате установили дату призыва в армию — 12 августа 1941 г. Так мы сумели уточнить, что Алиш был отправлен из Сельдце 12 ноября и прибыл в Вустрау 14-15-го. (По странному совпадению это число преследовало Алиша и далее: 12 августа был арестован гестапо).

Зная из трофейного «Отчета татарской комиссии о посещении лагерей для военнопленных», что из лагеря Сельдце отправлено 9 человек, можно было смело проставлять в ячейки остальных ту же дату.

* Минуллин Марс Лутфуллович (1932-1984), в 1955 г. окончил юридический факультет КГУ, с 1956 г. служил в органах безопасности на различных должностях: старший следователь по особо важным делам (1968-1974), начальник следственного отделения (1974-1979), начальник оперативного подразделения (1979-1984). Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За воинскую доблесть», знаком отличия «За безупречную службу».

Мозаика заполнялась не только на Джалиля и его соратников, но и на каждого участника фильма. Эта методика позволила «пройти» весь путь наших героев и многое уточнить.

Параллельно с этой работой было необходимо проработать большое количество литературы, чтобы иметь четкое представление о положении в Германии, разобраться в системе и принадлежности националистических организаций, учрежденных фашистами, понять обстановку лагерей для военнопленных и многое другое.

* * *

Согласно плану «Барбаросса» и его экономическому приложению «Операция “Ольденбург”», оккупированную территорию СССР предполагалось разделить по национальному и географическому признаку на ряд гебитскомиссариатов.

Фашисты понимали, что невозможно удержать такую огромную территорию в оккупационном режиме, и поэтому министерством оккупированных восточных провинций была разработана целая система мероприятий, позволяющих утвердить и поддерживать «новый порядок». Незадолго до начала войны при министерстве Розенберга были организованы из эмигрантов так называемые национальные посредничества. Среди них появилось и Татарское, возглавляемое неким Г. Шафи Алмасом. (Шафеев Габдрахман — казанский купец, в 1919 г. бежавший в Турцию с белыми. Принял турецкое подданство и некоторое время работал в турецком посольстве в Москве. В 1924 г. за валютные операции был объявлен персоной нон грата и выслан из Союза. Через некоторое время появился в Германии. Принимал активное участие в работе различных антисоветских мусульманских организаций. В конце 30-х завербован гестапо, был платным осведомителем. В апреле 1945 года, присвоив валютные фонды комитета «Идель-Урал», бежал в американскую зону оккупации, затем перебрался в Швейцарию. Умер в 1968 г. в Женеве). В 1942 г. Татарское посредничество было переименовано в комитет «Идель-Урал», в 1944 г. — в «Комитет борьбы с большевизмом».

Поскольку территория национальных республик Поволжья не стала еще «оккупированной восточной провинцией», Шафи Алмас свой комитет считал правительством в эмиграции, а себя — президентом будущего самостоятельного государства «Идель-Урал». Это государство должно было занять территорию от Волги (Волга по-татарски — «Идель») до Урала. Фашисты всячески поддерживали эти иллюзии, хотя еще в 1940 г. гаулейтером в Казань был назначен доктор Отто Шульман. Но это стало известно после войны из трофейных архивов. А в то время, чтобы идель-уральское правительство не даром ело свой хлеб, ему было поручено набирать по лагерям для военнопленных работников нижнего звена административного аппарата будущей системы управления будущего государства. Говоря другим языком, — набирать холуев на мелкие должности гебитскомиссариатов.

А когда к началу 1942 г. фашистское командование поняло, наконец, что блицкрига не будет и понадобилось пушечное мясо для Восточного фронта, Шафи Алмасу и его конторе, так же как и другим комитетам, была поручена вербовка предателей в национальные легионы, которые «плечом к плечу с немецким братьями» должны были «освободить свою родину от большевизма».

* * *

26 июля 1942 г. старший политрук Муса Джалиль, тяжело раненный в обстановке окружения, был пленен в районе Мясного Бора (Волховский фронт).

После ряда перемещений по сборным пунктам для военнопленных он попадает в шталаг № 307, расположенный в крепости Демблин на территории Польши. (Шталаг — стационарный лагерь военнопленных. Высокий идейный уровень, дисциплинированность, хорошая боевая подготовленность красноармейцев, оказавшихся в плену, при концентрации большого их числа в тыловых лагерях были опасны для фашистов. И поэтому главной задачей шталагов было истребление максимального числа военнопленных голодом, отсутствием медицинской помощи для раненых, распространением эпидемических заболеваний. В период с июля 1941 по май 1942 года только в шталагах, расположенных на территории Польши, ежедневно умирало до 3-х тысяч человек. Выживших, но сломленных, предполагалось использовать в качестве оstarбайтерн в промышленности и сельском хозяйстве Германии. Из наиболее слабых по морально-волевым ка-

чествам набирались контингенты (добровольцев) для зондерлагерей, готовивших пропагандистов и работников гебитскомиссаритов).

С мая 1942 г. в лагере возникла подпольная партийная организация во главе с Гайнаном Курмашевым, она имела связь со своим центром, находящимся в лагере в местечке Милосно, а также с организациями соседних шталагов «Сельдце», «Крушино» и другими.

Джалиль прибыл в Демблин как раз в то время, когда гитлеровцы шталаги начали превращать в лагеря для вербовки военнопленных, в национальные легионы. Из Сельдце, Демблина, Крушино, Милосно начали вывозить всех военнопленных, кроме татар, башкир, чувашей и марийцев. Если поступали новые этапы, то это были военнопленные из национальных республик Поволжья. В лагере появились муллы, пропагандисты, началась интенсивная идеологическая обработка бывших красноармейцев в антисоветском националистическом духе. Неоднократно приезжал Шафи Алмас с членами своего комитета, выступал с призывами вступить в легион «Идель-Урал».

Подполье поставило перед своими членами задачу любой ценой сорвать вербовку, удержать людей от вступления в легион. Но в условиях усиленной слежки и наличия большого числа осведомителей выполнение этой задачи ставило под угрозу всю организацию. Тогда подпольщики сменили тактику: было решено занять все командные посты в легионе, широко развернуть антифашистскую пропаганду и при подвозе к линии фронта организованно перейти на сторону Красной Армии.

Джалиль был знаком с Курмашем еще до войны и принял участие в работе подполья, но как рядовой член организации. В это время фашисты часть лагеря, освободив от пленных, превратили во «фрайлагерь», или, как его называли, — полулегион. Установили полевые кухни, перешедших во фрайлагерь стали кормить по нормам немецких солдат, переодели в чистую одежду (трофейную французскую форму без погон и знаков отличия) и партиями по 150-200 человек после медицинской комиссии стали отправлять в городок Едино, где должен был дислоцироваться Волго-татарский легион «Идель-Урал».

В основном лагере люди по-прежнему умирали от голода, ран и болезней. А в двух шагах в полулегионе ходили сытые, поздоровевшие люди, вчерашние соседи по нарам. Достаточно было пройти калитку... Правда, через нее назад пути не было. Но слабые дрогнули.

Нельзя закрывать глаза на то, что первыми пошли во фрайлагерь не самые лучшие из военнопленных. Поэтому подполье и поставило задачу развернуть патриотическую работу среди тех, кто оказался самым нестойким.

Но мог ли Джалиль принять участие в этой работе, если для этого нужно было стать легионером, надеть немецкий мундир, публично отречься от присяги, данной в Красной Армии?

По архивам удалось установить, что большое количество будущих легионеров 1-го батальона узнало его еще в основном лагере, и где гарантия, что в легионе кто-нибудь не выдал его. Глядя на список агентуры отдела 1-ц первого батальона, трудно поверить, что этого не произошло бы. Подпольная организация, да и сам Джалиль понимали, как был бы использован фашистами в пропагандистских целях Джалиль-легионер. Поэтому Муса оставался в основном лагере до ноября 1942 г.

С декабря 1942 г. его следы обнаруживаются в особом лагере Вустрау.

Зондерлагерь Вустрау занимался подготовкой: пропагандистов для легионов и оккупированных территорий, переводчиков с немецкого языка на языки народов СССР, работников гебитскомиссариатов, а также отбором людей для дальнейшего обучения в разведывательно-диверсионных школах абвера.

(Последнее обстоятельство вызвало серьезное внимание нашего командования: в архивах имеются исчерпывающие документы об этом особом лагере).

Это были два отдельных лагеря, расположенные примерно в километре друг от друга: закрытый, где проходили проверку поступившие (фашистская контрразведка опасалась внедрения нашей агентуры через шталаги) и открытый, где проходили обучение прошедшие проверку. Их здесь называли уже курсантами.

В Вустрау можно было попасть только добровольно, и человек там подвергался такой коварной и изощренной обработке и вербовке, что за время обучения каждый вставал перед фактом — назад пути нет.

«На занятиях я получил задание перевести с немецкого языка на татарский обращение к советским военнопленным и добросовестно выполнил его. Через несколько дней начальник лагеря показал мне листовку, отпечатанную в типографии, с моей фотографией и подписью под факсимильным текстом моего перевода...». Это строки из показаний ответсекретаря газеты «Идель-Урал» Б-ва.

Нам удалось установить, что этот страшный лагерь прошли Джалиль, Алиш, Саттар, Булатов, Шабаев — все члены берлинского центра подполья.

Нужно было выяснить, каким же образом они туда попали. Не добровольно же. Ответ нужно было искать в шталагах Демблин и Сельдце.

Работая в архивах, мы узнали, что первая группа татар, около тридцати человек, прибыла в Вустрау в течение сентября 1942 г. Этих добровольцев готовили для работы в комитете «Идель-Урал» и во вновь создаваемой газете Волго-татарского легиона. Но в процессе обучения в открытом лагере обнаружилось, что это отребье ни на что не годится. (Впоследствии эту группу отправили в Познань на оружейную фабрику татарского эмигранта Яушева для несения полицейской службы, что вполне соответствовало их интеллектуальному уровню).

Отдел пропаганды ОКВ торопил комитет начать выпуск газеты, и Шафи Алмас был вынужден в дополнение к первой группе отобрать еще четырнадцать человек. Как проходил отбор, рассказали очевидцы.

Шафи Алмас через агентуру сумел выявить профессиональных журналистов и людей с высшим образованием в лагерях Демблина и Сельдце. Это уже были не добровольцы — в Вустрау их доставили под конвоем.

Проходя проверку в закрытом лагере, джалильцы узнали, что их хотят использовать для работы в профашистской газете, которая должна стать одним из основных орудий идеологической обработки легионеров. Тогда-то и было принято решение блокировать этот канал антисоветской пропаганды.

Потерявшие связь с подпольем, Джалиль и его друзья были вынуждены сами принимать меры к ее восстановлению, и поэтому журналисты Абдулла Алиш и Рахим Саттар дали согласие на сотрудничество. 13 февраля 1943 г. они прибыли в Берлин в редакцию газеты «Идель-Урал».

Известно, что Шафи Алмас в течение декабря 1942 — января 1943 г. неоднократно приезжал в Вустрау и подолгу беседовал с Джалилем и его друзьями, пытаясь склонить их к предательству, но встречал категорический отказ.

В конце февраля Алиш и Саттар приехали в Вустрау с радостной вестью: первый батальон Волго-татарского легиона, направленный на карательную операцию против партизанской бригады М. Ф. Бирюлина, в полном составе перешел на сторону партизан, перебив немецких офицеров.

Но для оставшихся это радостное событие оборачивалось трагедией: этот переход за всю историю войны был происшествием чрезвычайным, и немцы, напуганные событиями в первом батальоне, сразу разоружили второй, уже готовый к отправке на фронт, и превратили его в рабочий батальон. В формирующемся 3-м сменили весь командный состав.

Главная задача подполья оказалась невыполнимой. Выход из создавшегося положения был единственный — вооруженное восстание всего легиона. Для осуществления новой задачи было необходимо: блокировать органы идеологической обработки легионеров — газету «Идель-Урал»; организовать выпуск листовок и доставку их в легион; наладить четкую оперативную связь между группами подполья, вовлечь в подполье стихийные очаги сопротивления, постоянно возникающие в шталагах и легионе; установить связь с подпольными партийными организациями Грузинского и Армянского легионов, расположенных рядом в г. Радом. В Радоме же теперь находился штаб и кадровый батальон Волго-татарского легиона.

В это же время Шафи Алмас узнает, что под фамилией Гумеров в лагере Вустрау содержится Муса Джалиль. Можно себе представить радость и удивление «президента», когда он получил согласие Джалиля и его друзей работать в комитете «Идель-Урал».

Алиш и Саттар, будучи корреспондентами газеты «Идель-Урал», имели возможность свободного передвижения, но большую часть времени были вынуждены находиться в Берлине. Штаб легиона находился в то время в г. Радом, а идеологический центр

подполья во главе с Джалилем был теперь в Берлине. Это создавало большие трудности в работе, и первой задачей было организовать связь с легионом.

Джалиль стал чем-то вроде консультанта по культурно-просветительной работе. Эта работа давала возможность по мере необходимости выезжать в Польшу, в легион.

Еженедельно в Берлин приезжали легионеры за тиражом газеты для легиона. Это был пока единственный стабильный канал связи, поэтому доставку газет подполье должно было взять в свои руки.

В первое посещение легиона Муса из членов подполья организовал при штабной роте 4-го батальона в Радоме культвзвод, который имел музыкальную капеллу, небольшую актерскую группу; сюда же присоединили пропагандистов, поручив им доставку газеты и прочей агитационной фашистской литературы для легиона. Так была налажена связь двух центров подполья.

Музыкальная капелла, постоянно гастролируя по боевым соединениям легиона и шталагам, обеспечила надежную связь между группами подполья.

Джалиль же, под видом отбора артистов для культвзвода, получил возможность широкого общения и с легионерами, и с военнопленными в шталагах. Подполье к тому времени существовало повсеместно. Повсюду возникали и стихийные группы сопротивления. Но плохо организованная конспирация, наличие провокаторов приводили к частым провалам: с начала 1943 г. в легионе состоялось несколько показательных судов над членами подобных групп. Эти группы опасались любых контактов, и вся их деятельность сводилась к организации побегов из лагерей небольшими группами. Это вызывало ужесточение режима в шталагах, активизировало работу абвера в боевых частях легиона, что мешало работе настоящего подполья.

Подполье выявило эти группы, но вовлечь их в свою работу в силу упомянутых причин было очень трудно. Популярность Джалиля, его авторитет, его имя позволили ему связать эти разрозненные группы с Радомским центром. Это укрепило подполье. Попытки побега прекратились, что усыпило, правда ненадолго, бдительность фашистской контрразведки.

Подготовка восстания шла полным ходом. Уже ушли через линию фронта на связь со своими Саттар, а затем Ян Габдуллин из Радомского центра. Все ключевые позиции в легионе заняли члены подполья, газета была развалена полностью, из Берлина регулярно доставлялись листовки. И хотя листовки печатались малыми тиражами и передавались из рук в руки, два экземпляра попали в отдел 1-ц. В культвзвод был внедрен провокатор Ямалутдинов, и, когда накануне восстания большая партия листовок была доставлена из Берлина в легион, Ямалутдинов выдал Курмаша и двух работников редакции, фамилии которых на следствии в 1949 г. он уже не помнил. По другим источникам мы установили эти фамилии: Джалиль и Алиш.

Такой представлялась нам картина событий к моменту завершения работы над сценарием. В съемочном периоде она значительно пополнилась и уточнилась, значительных, принципиальных изменений не претерпела.

Съемочный период

Основой фильма должны были стать, по-нашему замыслу, интервью с бывшими военнопленными. Хотелось сделать фильм, сюжет которого «держался» бы на воспоминаниях очевидцев и участников событий, а дикторский текст выполнял бы функции поясняющие, информативные.

Помещение для съемок интервью оборудовали в дубляжном тон-ателье, что дало возможность качественно провести скрытую запись звука. Спрятать камеру было нелегко, ее поставили в углу и закрыли «лишней» мебелью. Камера включалась дистанционно, через магнитный пускатель, установленный в коридоре, кнопка пускателя лежала на полу под ковром у ног режиссера. Разговоры обычно проходили «тет-а-тет». Фонограмма записывалась непрерывно, независимо от работы камеры. Это создало определенные трудности при укладе синхронного материала, но запись непрерывной фонограммы была необходима. Для съемок мы наметили около 30-ти человек, с большей частью из них я уже встречался и разговаривал, с некоторыми же был знаком заочно по архивам и публикациям.

Съемочный период продолжался почти пять месяцев. Дело в том, что участники фильма приезжали со всех концов Союза в удобное для них время. Нужно было согласовывать сроки пребывания каждого в Казани так, чтобы исключить возможность их встречи до съемки интервью.

Если в Казани находились одновременно два участника, то это были люди, по нашему предположению, ранее не знакомые. Пока один из них находился на съемке, с другим постоянно был кто-нибудь из членов группы: показывал город, водил по музеям, знакомил с родственниками джалильцев, живущими в Казани.

Приезжавшие не знали, да и не могли по условиям конспирации многого знать о подполье. Руководители погибли, а люди, с которыми нам пришлось работать, были нижним звеном подполья, и каждый знал только то, что было непосредственно связано с его деятельностью в легионе. (Г. Фахрутдинов, певец культзвезда, рассказывал, что иногда передавал Курмашу устные указания Джагиля, смысла которых сам не понимал).

Кроме того, воспоминания людей, причастных к подполью, журналистами и писателями в многочисленных публикациях на протяжении двадцати лет были «отредактированы» под общепринятую версию и для фильма интереса не представляли. Нашей задачей было помочь человеку вспомнить, что происходило в легионе лично с ним, а не то, что он прочитал или услышал потом, — это, во-первых; во-вторых, мы по-прежнему заполняли нашу мозаику.

Каждому интервью предшествовала подготовка: монтировали трофейную хронику и отбирали документы для показа, фотографии для опознания по мозаике, готовили вопросы.

Эта подготовка преследовала две цели: первую — активизировать память рассказчика и вторую — она давала возможность проверить достоверность рассказа.

Очень важно было рассказ интервьюируемого о конкретном случае согласовать во времени со всей имеющейся у нас информацией. Поэтому я старался, чтобы рассказчик назвал максимальное число участников или свидетелей данного эпизода. Это давало возможность проверки по архивам; кроме того, уже из архивных материалов возникали новые фамилии и новые детали, позволявшие пополнить картину приходившего.

Необходимость такой «следственной» методики была продиктована тем, что в свое время на имя джалильцев стали претендовать люди, не только не имеющие отношения к подполью, но и те, кто сомнительно, если не сказать большего, — вел себя в легионе и после войны.

Это был самый напряженный период нашей работы и вместе с тем самый интересный и радостный: многим участникам съемок мы смогли дать адреса друзей и соратников, которых они не видели с момента разгрома подполья и 30 лет ничего не знали об их судьбе.

Монтажный период

Перед нами стояла еще одна задача — расставить все точки над «i» в биографии нашего героя, причем расставить их доказательно, чтобы пресечь те смутные и странные слухи о преждевременной и недостаточно обоснованной реабилитации его в 1953 г. Слухи эти живучи. И возникали они, как это ни парадоксально, усилиями журналистов, на основе противоречивых публикаций и замалчивания сложных моментов биографии поэта. Я уже упоминал, как избегали писатели освещения вустрауского периода жизни Мусы, как была искажена картина его деятельности после выхода из Вустрау.

«Мы ели траву, погибали от голода, а он приезжал с эмигрантами в белой рубашке с галстуком, сытый и здоровый. Подумаешь, герой — стихи читал» — довелось мне услышать от одного из бывших легионеров. Он ссылался при этом на статьи, появившиеся в газетах и журналах в первые годы после реабилитации Джагиля. И сравнительно доказывал свою позицию, опираясь на провалы логики и неточности в этих статьях. Он уже забыл, что между «ели траву» и белой рубашкой Джагиля лежало полгода. И что, будучи легионером, мой собеседник ел никак уж не траву, а полный паек солдата вермахта, и получал марки на шнапс, который продавали в зольдатхайме по двадцать пять пфеннигов за порцию. Достаточно было ему это напомнить, как дальнейший разговор становился невозможным.

Большинство такого рода «компрометирующих» Джалиля фактов основывалось на том, что люди, их сообщавшие, даже не догадывались о существовании подполья до самого дня ареста джалильцев. Как я уже говорил, нужно было точно — документированно показать путь Джалиля в плену, не оставляя неясных мест. Мы обладали к тому времени огромным количеством материалов и могли доказать свою версию строго документально. Тогда-то и появилась идея — подтверждать рассказы очевидцев документами, фотографиями, хроникой.

Работая с архивными делами, я в какой-то момент почувствовал особую достоверность их содержания, как мне кажется оттого, что излагаемый в них материал был четко организован по форме: протокол опознания, к примеру, имеет жестко ориентированные в плоскости листа место для фотографий, графу особых примет, словесного портрета. В протоколах допроса всегда в одном и том же месте находилась фамилия, имя, отчество, год рождения и другие данные допрашиваемого.

Такая организация материала помогала легче воспринимать его, быстрее находить нужное.

Так постепенно от идеи кадра-«кинобланка», с четко обозначенным на нем «местом для свидетелей» и подтверждающим свидетельские показания фоном, мы пришли к идее полиэкранного изображения.

Монтажный период был осложнен тем, что на студии не было никакой аппаратуры для монтажа полиэкрана. Проверить взаимодействие нескольких изображений мы также не могли. Практически весь монтаж заготовок производился умозрительно. Синхронизация изображения осуществлялась следующим образом: в звуковую головку монтажного стола заряжали засвеченную позитивную пленку (назвали ее «опорной») и по меткам на ней поочередно монтировали изображения для каждого экрана. Изображение для каждого экрана имело свой цвет пометок. Результат можно было видеть только после «сведения» всех пленок на трюкмашине.

Для работы мы получили покадровый проектор ППУ-3 и списанную широкоэкрannую синхронную камеру СК-1, к которой приспособили покадровый двигатель. Большим студия не располагала. С оператором А. Привиним на станине старого токарного станка мы в течение месяца собрали трюкмашину. Все недостающие узлы и детали изготовили сами в студийной мастерской.

Ввиду того что мы не имели возможности просматривать смонтированный материал с нескольких проекторов одновременно, монтаж и последующие съемки проводились поэтапно. Работа над новым эпизодом начиналась лишь тогда, когда полностью заканчивалась над предыдущим.

Внутри эпизода обязательно предусматривалась возможность сокращений. Перестановки полиэкранных кадров внутри эпизода стремились избегать, и поэтому каждый эпизод прорисовывался на стекле макета, а затем на бумаге, и приступали к съемке только тогда, когда были уверены, что изменений внутри эпизода не будет. Большая предварительная работа над каждым кадром позволила избежать дублей; переснимали только брак, случавшийся из-за несовершенства нашей съемочной техники.

На протяжении семи месяцев параллельно с монтажом и съемкой мы отработывали новую для нас технологию, совершенствовали технику. За этот период нами было подано и внедрено 14 рационализаторских предложений по технике. Когда уже было готово две трети фильма, возникла необходимость увеличения объема картины, и дирекция студии разрешила сделать трехчастевой вариант.

После окончания монтажного периода в декабре 1975 г. фильм был показан сценарно-редакционной коллегии Госкино РСФСР. Госкино, ссылаясь на непрокатность фильма такого объема, приказало сократить картину до двух частей.

В оставшееся до конца года время переснять эпизоды, подлежащие сокращению, не удалось: вышел из строя покадровый двигатель камеры, почти год работавший в предельном режиме. Пришлось «резать по-живому», даже между словами фонограммы, дикторского текста, вырезались местами паузы. Такая методика сокращений привела в результате к «скороговорке» и перенасыщенности фильма текстом.

Личный архив Р. А. Кашапова.

**№ 2. Из заявки Н. К. Валитова на литературный сценарий документального
фильма-расследования «Джалиль. Реабилитация, которой не было»
(5 частей, цветной)**

Не ранее 1995 г.*

Не помню, в каком-то шпионском романе матерый волк разведки говорит, что единственный факт — это случайность, два одинаковых — совпадение, три — система. Все, связанное с именем М. Джалиля, произошедшее в послевоенное время, — нескончаемая череда странных, прямо-таки мистических совпадений. Как будто сам Бог оберегал этого человека.

Отношение к Мусе Джалилю на Родине во многом определили его Моабитские тетради.

Первая тетрадь попала в СП ТАССР 2 апреля 1946 года. Принес ее из плена бывший легионер Габбас Шарипов.

Вторую передал в наше посольство Андре Тиммерманс в 1949 году.

Следы третьей обнаруживаются в 1991 г. Она была добыта римской резидентурой внешней разведки и осела в архивах СМЕРШ в 1946 году. Сама рукопись, к сожалению, пока не обнаружена.

Г. Шарипов, доставивший первую тетрадь, знал, понятно, и Джалиля и что за тетрадь вверил ему Муса.

А Тиммерманс-то чего ради рисковал, пронеся блокнот со стихами через заключение и бесконечные тюремные обыски.

И уж совсем невероятное — резидент нашей разведки в Италии Н. М. Горшков, на свой страх и риск пославший человека через линию фронта именно за этой тетрадью, окажется выпускником КАИ.

Не менее удивительна и история реабилитации Мусы Джалиля.

Драматургия будущего фильма сложится из двух сюжетных линий:

— подробный рассказ о событиях в легионе и профашистском комитете «Идель-Урал», о подполье, о роли Джалиля и его соратников в нем;

— архивы нынешней ФСБ: уголовные дела на бывших легионеров, розыскное дело на Джалиля и джалильцев, переписка обкома партии с МГБ ТАССР и местного МГБ с МГБ СССР дает возможность увидеть развитие и финал тех поистине драматических коллизий, возникших вокруг Мусы и его соратников.

То, что происходило в то смутное время в недрах МГБ и партии, может поставить в тупик любого «разоблачителя» из команды новодворских-якуниных. Да и не грех лишний раз напомнить «поколению, выбравшему пепси», что существуют и другие ценности.

Итак, в период с 1946 по 1952 год секретарь обкома ВКП (б) З. Муратов, постоянно теребит МГБ ТАССР запросами о Мусе. По тем временам дело это, мягко говоря, рискованное. Именно в эти годы нарастает вал послевоенных репрессий, и любое дело о врагах народа «наверху» раскатывается по всей стране подобно ядерной цепной реакции. Вспомним хотя бы «Ленинградское дело», троцкистский заговор в МГБ, дело врачей, «космополиты».

Можно с высокой долей вероятности утверждать, что З. Муратов был информирован о реабилитирующих материалах, накапливающихся в МГБ Татарии, и был уверен в невиновности Джалиля. Эти материалы начали появляться практически с первых следственных дел на легионеров и прочих «предателей».

Кем информирован — вот вопрос, на который предстоит ответить съемочной группе.

Пора, наконец, рассказать об огромной роли друга Мусы — ученого и писателя М. С. Кашшафа в опровержение той грязи, которую нанесли (оговоримся сразу — по незнанию) подследственные в своих показаниях.

В архивах ФСБ есть дела, в реабилитирующей части которых есть и протоколы допроса гражданина Миргази Султановича Кашшапова с единственным вопросом: «Где, когда, при каких обстоятельствах сделана эта запись в Вашем блокноте?» [...]

Дело в том, что Миргази Султанович самостоятельно, порой раньше мгебешников, находил людей, причастных к легиону и комитету, и, записав их воспоминания, застав-

* Дата установлена согласно воспоминаниям автора вступительной статьи.

лял подписывать каждую страницу, объясняя необходимость этого тем, что это записи для литературного архива.

Чекистам по мере выявления очередного подозреваемого, а розыск шел очень активно, становилось известно об этом параллельном следствии.

Ночные вызовы, угрозы... Но не тронули. Как теперь говорят — «крыша была крепкая». Не Муратов ли?

Ну а во времена хрущевской «оттепели» Миргази Султанович передал свои записи в КГБ.

Теперь о некоторых странностях в позиции МГБ Татарии. Джалиль объявлен во все-союзный розыск. Розыскное дело открыто 18 ноября 1946 года. «Лови, сажай!» — иное исключалось.

«У нас нет военнопленных, есть предатели» — одна только эта установка «отца народов» должна была определять отношение МГБ тех времен к разыскиваемым и подследственным, а в уголовных делах копяты реабилитирующие наших героев показания. Зачем следователю лишняя головная боль? Ведь мерой порицания за плохую работу могла быть и — высшая.

За все время существования ЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ было репрессировано 20 тысяч чекистов. Опубликована такая цифра, но никак она не согласуется с той «зачисткой» ежовцев, проведенной Берией. В ту пору убирали руководителей на местах, рядовых не трогали, а если устраняли, то за «плохую» работу.

Вот некий Гатин, например, получил в производство в ноябре 1938 года дело по троцкистскому подполью в КГПИ (по нему осужден И. Салахов, писатель, автор «Черной Колымы», ныне лауреат премии им. Г. Тукая). Через месяц Гатин был отстранен за плохую работу и осужден на высшую меру наказания. Но и новый следователь не справился: на процессе в мае 1939 года четверо обвиняемых были освобождены в зале суда — по тем временам — ЧП. Видать, справляться было не с чем...

А что изменилось к 1946 году? Да ничего.

Во главе МГБ ТАССР генерал Д. Токарев*.

Палач из палачей, это ему, тогда еще полковнику, в 1939 году лично Берией было поручено «сверхделикатное» «Катынское дело» — расстрел пятнадцати тысяч пленных польских офицеров, без всякого следствия и суда, просто за то, что поляки. Сохранился и приказ за подписью Берии и леденящие кровь показания исполнителей этой акции.

Кстати, сам Токарев на допросах в Генпрокуратуре в 1990 году не высказал ни намека на сомнения в своей правоте, ни тени раскаяния.

И тем не менее докладная именно Токарева Муратову (а куда денешься — обстоятельства!) в начале августа 1952 года положила конец, скажем помягче, — сомнениям относительно Мусы и его сподвижников. Хотя жив еще «лучший друг советских писателей», а «наш дорогой Лаврентий Палыч» по-прежнему курирует органы безопасности. Правда, министр ГБ новый — С. Игнатьев**.

Такая вот странная история.

Имеющиеся сегодня материалы вполне позволят провести документальное журналистское расследование по делу комитета легиона «Идель-Урал» без всяких «реконтрукций событий» и пасторалей с Оренбургскими степями. Материал, которым будет располагать съемочная группа, диктует и сюжетное построение фильма: сам ход розыскного дела и возврат в 1942-1945 годы к событиям в легионе и комитете. Собственно — «возврат» — это не врезки-справки, обе эти линии очень плотно, как мне кажется, переплетены.

И последнее. Не покидает ощущение, что, несмотря на «верховные» установки, на необъективность следствия, на пресловутый обвинительный уклон, реабилитация Джа-

* Токарев Дмитрий Степанович (1902-1993), генерал-майор (1940), депутат Верховного Совета СССР (1946), депутат Верховного Совета ТАССР (1950), почетный чекист. В 1924-1937 гг. — в пограничных войсках НКВД, обучался в Высшей пограничной школе НКВД (1927, 1937-1938). С 1939 по 1945 г. — начальник Управления НКГБ, УНКВД, УНКГБ по Калининской области, в 1945-1948 гг. — Нарком НКГБ, Министр МГБ Таджикской ССР. В 1948-1953 гг. — Министр госбезопасности Татарской АССР. Награжден орденом «Знак Почета» (1940), орденом Ленина (1949), орденом Трудового Красного Знамени (1950), медалью «За воинскую доблесть» (1970). В 1952 г. по материалам расследования направил в партийные инстанции ТАССР докладную записку о патриотической подпольной деятельности М. Джалиля.

** Игнатьев Семён Денисович (1904-1983), партийный, государственный деятель. В 1951-1953 гг. — Министр госбезопасности СССР.

лила и его друзей была неизбежна. Хотя термин «реабилитация» здесь не совсем корректен — реабилитируют невинно осужденных. У нашего героя дело до суда, слава Богу, не дошло.

Опять Бог? А может все проще — и в плену люди оставались Людьми, и, надев мундир МГБ, можно остаться Человеком. Правда, не всем это дано, и вот это уже, наверное, от Бога.

Личный архив Р. А. Кашапова.

**№ 3. Справка Министра госбезопасности ТАССР Д. С. Токарева секретарю
ОК КПСС З. И. Муратову о татарском писателе Мусе Мустафовиче Залилове**

2 августа 1952 г.

г. Казань.

№ 1/769

Залилов М. М., литературный псевдоним «Муса Джалиль», 1906 года рождения, уроженец дер. Мустафино Чкаловской области, писатель-поэт и драматург, бывший член ВКП (б), до войны проживал в г. Казани.

По имеющимся в МГБ Татарской АССР следственным и другим материалам Залилов М. М., находясь на фронте Великой Отечественной войны, в начале 1942 года попал в плен к немцам, а затем, при неизвестных обстоятельствах, оказался в школе германских агентов-пропагандистов в местечке Вустрау (близ Берлина), в которой обучались советские военнопленные, ставшие на путь измены Родине.

В начале (по другим данным, весной) 1943 г. Залилов из этой школы был направлен для работы в берлинский «комитет» антисоветской организации «Идель-Урал», который был создан немцами и действовал в период войны под руководством «восточного министерства» Германии. В этом «комитете» Залилов какой-либо определенной должности не занимал, а являлся сотрудником редакции газеты «Идель-Урал», издававшейся «комитетом».

В марте 1943 года Залилов по собственной инициативе начал организовывать подпольную антифашистскую группу, ставившую своей задачей ведение борьбы против немцев и организации «Идель-Урал». В деятельность этой группы Залиловым был привлечен ряд сотрудников «комитета» и редакции газеты «Идель-Урал», из которых известны:

Алишев Абдулла Бариевич, литературный псевдоним «А. Алиш», 1905 года рождения, уроженец дер. Каюки Куйбышевского района Татарской АССР, детский писатель, до войны проживавший в гор. Казани, бывший военнослужащий Красной Армии;

Булатов Фуат Зиятдинович, 1913 года рождения, уроженец Стерлитамакского района Башкирской АССР, инженер-строитель, до войны проживал в гор. Казани, бывший военинженер 3 ранга Красной Армии;

Симаев Ахмет Садретдинович, 1919 года рождения, уроженец гор. Москвы, журналист, до войны проживал в гор. Москве;

Шабаетов Гариф Хафизович, 1907 года рождения, уроженец Башкирской АССР, до войны проживавший в гор. Ташкенте, работавший ревизором в Наркомфине Узбекской ССР, бывший военнослужащий Красной Армии.

Пользуясь положением сотрудника редакции газеты «Идель-Урал», Залилов разъезжал по подразделениям «татарского легиона» немецкой армии и вел антифашистскую пропаганду среди легионеров.

В августе месяце 1943 года Залилов при попытке распространения антифашистских листовок в одном из подразделений «Волго-татарского легиона» был арестован немцами. По его делу были арестованы также Алишев А., Булатов Ф., Симаев А., Шабаетов Г., Ишмуров К., Газиев М., Ямалетдинов М., Хисамутдинов Р. и ряд других.

Арестованные Ишмуров, Газиев, Ямалетдинов, Хисамутдинов и некоторые другие вскоре из-под стражи были освобождены, а Залилов, Алишев, Симаев, Булатов, Шабаетов были заключены в берлинскую тюрьму и впоследствии расстреляны немцами за антифашистскую деятельность. Это подтверждается следующими данными.

Арестованный Надеев Н. Н. на допросе от 28 ноября 1946 года показал: «...Недели через две после первой встречи, т. е. в марте 1943 года, я с Мусой Джалилем встретился вторично, он мне сказал: “Давай поговорим”, после чего мы пошли прогуляться по парку. В беседе со мной Муса Джалиль мне сказал: “Мы попали не туда. Я дал согласие выйти из закрытого лагеря и принять участие в организации “Идель-Урал”. Но слышал я от людей, что ты ведешь себя нехорошо. Учти, что как коммунист ты еще не потерян. Плохо будет, если мы будем сидеть сложа руки. Я, хотя согласился работать, но я обязан вести другую работу, пусть это будет стоить мне жизни. Эта работа будет состоять в борьбе против идей “Идель-Урал”».

В июне 1943 года я снова встретился с М. Джалилем, который мне сообщил, что он созывает совещание подпольной организации, где познакомит меня с ее участниками. Это совещание было созвано, и состоялось оно в ресторане зоологического парка в Берлине. Там были Муса Джалиль, Алишев, Симаев, Булатов и я, Надеев. На этом узком совещании Муса Джалиль сказал: “...Наша работа идет неудовлетворительно, ее нужно активизировать, не боясь, делая это крайне конспиративно...”.

...В конце июня 1943 года меня вызвали в Волго-татарский комитет, где предложили выехать на преподавательскую работу в гор. Познань. Переговорив со мной по этому вопросу, Муса Джалиль порекомендовал мне выехать туда и там развернуть вместе с Халитовым патриотическую работу...

...В середине июля 1943 года из Берлина в Познань приехал Кунафин, который сообщил мне, что Муса Джалиль, Булатов, Шабаев, Симаев, всего одиннадцать человек, немцами арестованы...».

На допросе 27 марта 1950 года арестованный Ишмуров К. М. показал: «...Алишева Абдуллу я знаю. Знаком с ним еще был до начала Отечественной войны в гор. Казани. В немецком плену я встретил Алишева в конце осени 1942 года в гор. Кракове (Польша). Отсюда я вместе с Алишевым и другими лицами был направлен в гор. Вустрау (Германия), а оттуда в гор. Берлин, где вместе с Алишевым работал в редакции фашистской газеты “Идель-Урал” до лета 1943 года. Летом 1943 года Алишев был арестован немецким гестапо по обвинению в распространении антифашистских листовок среди легионеров. В одно время с ними были арестованы я, Забиров Роян (художник газеты “Идель-Урал”), Булатов Фуат и Шабаев, имя и отчество не знаю.

Кроме того, мне известно, что немцы по этому же делу производили аресты непосредственно в подразделениях легиона. В частности, я знаю, что в легионе были арестованы татарский писатель Муса Джалиль и певец Афзалов.

...Мне известно, что Муса Джалиль из тюрьмы не был освобожден. По крайней мере, пока я работал в редакции газеты “Идель-Урал”, т. е. до марта 1945 года, я знаю, он, М. Джалиль, из тюрьмы не освобождался и в редакции газеты или в “комитете” не появлялся».

На допросе 17 сентября 1948 года арестованный Ишмаев А. Г. показал: «...Залилов был арестован гестапо в конце июля или начале августа 1943 года в татарском легионе за выпуск антифашистских прокламаций. Вместе с ним было арестовано около 16 человек.

Мне известно, что Залилов и другие из “Татарского легиона” были переведены в Берлин и сидели в тюрьме “Шпандау”. Что было дальше с ними, мне неизвестно. В 1945 году я слышал разговор, что одиннадцать арестованных немцами были расстреляны, но кто я не знаю...».

Арестованный Уразаев Г. А. на допросах от 26 июля 1945 года и 26 января 1950 года показал: «...Со слов Давлетшина Тимурбека, Залилов Муса как сотрудник газеты был якобы арестован немцами за распространение антифашистских листовок и прокламаций. Должен сказать, что одну такую прокламацию я лично видел и читал сам, которую мне показал Давлетшин. Залилов был арестован 10 августа 1943 года в гор. Берлине и осужден на смертную казнь...».

...Муса Залилов, Симаев, Шабаев, Булатов, Алишев и двое других, фамилии которых не помню, были осуждены гестапо на смертную казнь. 27 августа 1944 года им были отрублены головы».

Арестованный Мингалин Ф. М., содержащийся в 1943 году вместе с Залиловым в Моабитской тюрьме в Берлине, 20 июля 1949 года показал: «...Вместе с Залиловым были арестованы Булатов, Алишев, Симаев Ахмет...».

...Залилова и названных выше судили и приговорили к расстрелу, но почти целый год они были живы. После покушения на Гитлера все политические арестованные в августе 1944 года были расстреляны».

Во время нахождения Залилова и других в берлинской тюрьме их посещал и приносил им передачи сын Галимджана Идриси Ильдар. По этому вопросу арестованный Газиев 24 ноября 1948 года показал: «...Однажды сын Идриси понес передачу Симаеву, но у него ее не приняли, сказали, что его уже нет. Тогда он стал расспрашивать солдата, работавшего в тюрьме, куда Симаев уехал, тот рассказал, что 12 человек из радиоредакции и из татарского комитета расстреляны, в том числе и Симаев. Далее солдат рассказал, что, когда их вели, они пели песню на незнакомом ему (немецкому солдату) языке. Сын Идриси принес также стихи татарского поэта, члена татарского комитета Мусы Джалилова, которые ему отдала администрация тюрьмы...».

В 1947 году в Союз советских писателей Татарской АССР поступила из Консульского управления МИД СССР записная книжка Мусы Залилова со стихами патриотического содержания. Эта книжка была получена из посольства СССР в Бельгии, которому передали ее бельгийские партизаны. Из записей Залилова видно, что он был приговорен немцами к смертной казни за политическую деятельность в Германии.

Залилов, находясь в тюрьме в гор. Берлине, написал ряд стихотворений, в которых высказывает свою преданность Советскому Союзу и ненависть к фашистской Германии. В одном из стихотворений Залилов писал:

*«...Поверь мне, Родина, был таким я,
Во мне горела орлиная страсть,
Уж я крылья сложил, готовясь
О камень удариться и упасть.
Вышло не так... От последнего слова
Вдруг отказался друг — пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль замела мой кровавый след...»*

В стихотворении «Мои песни» Залилов пишет:

*«...Я чувства низкие отверг
и выбрал трудный путь:
Я устремился к правде, вверх —
там шире дышит грудь.*

*Я чистой правдой засеивал
души моей луга,
Я друга песней согревал,
я песней жег врага,*

*Я перед битвой песни пел,
не перестал в бою,
И в смертный час под топором,
на плахе я пою.*

*Меня казнят, и я умру,
но клятва — клятва есть:
Отчизне жизнь, Отчизне песнь —
в ее святую честь!*

*Меня учила песня жить,
любить, беду встречать...
Звучала песней жизнь моя
и смерть должна звучать...»*

Советский писатель Константин Симонов, описав жизнь Залилова в фашистских застенках и отметив, что его стихи были доставлены в посольство СССР в Бельгии лицами, содержащимися вместе с ним в берлинской тюрьме, указывает: «Такова, в кратких словах, история этих стихов, свидетельствующих одновременно и о незаурядном поэтическом таланте их автора и о мужестве советского человека перед лицом тяжчайших лишений и самой смерти...».

Генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев в 1946 году в письме жене Мусы Залилова сообщает: «...Во время пленума Союза писателей в Москве в 1945 году было получено письмо из одного подразделения Красной Армии, занявшего Моабитскую тюрьму в Берлине. В этом письме они сообщили, что, заняв тюрьму, среди всякого бумажного мусора они нашли вырванный из какой-то книги листок с чистыми полями, где на полях имеется запись татарского писателя Мусы Джалиля. Листок был приложен. На полях была запись Залилова примерно следующего содержания: “Я, известный татарский писатель Муса Джалиль, заключен в Моабитскую тюрьму как пленный и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня моим товарищам-писателям в Москве”.

Красноармейцы из подразделения, приславшие этот листок, писали, что ознакомились с его содержанием и поклялись отомстить за смерть писателя Залилова...».

В апреле 1948 года в посольство СССР в Бельгии явился бельгийский подданный Эмиль Мэзон, который рассказал, что он, будучи арестованным немцами в 1943 году, содержался вместе с советским писателем Алишевым, приговоренным к смертной казни, и передал письмо Алишева А. его родным, написанное в Моабитской тюрьме. В этом письме Алишев пишет: «В августе 1943 года был арестован по обвинению в распространении листовок среди татарских военнопленных, т[ак] н[азываемых] легионеров. Со мной арестованы Муса Джалиль, Гариф Шабаев, Сайфульмулюков, Фуат Булатов, Ахмет Симеев. Пришел, боролся и ушел. Такова уж наша, видно, судьба. Мы остаемся до последнего вздоха верными нашему народу».

Указанные выше данные об аресте и расстреле немецкими фашистами Залилова М., Алишева А., Булатова Ф., Симеева А. и Шабаева Г. подтверждаются также показаниями арестованных Забиров Р. Р., Гилязеева К. Г., Вафина Р. В., Фатихова Г. Ф. и других.

Следует сказать, что в 1948 году были получены данные, говорящие о том, что якобы Залилов Муса перед капитуляцией фашистской Германии находился в Берлине, откуда выехал на Запад. Однако, в результате тщательной проверки, оказалось, что лицо, проживающее в английском секторе Берлина и являющееся единственным источником этих данных, не внушает ни малейшего доверия и характеризуется как алкоголик, морально разложившийся, причем его сообщения о Залилове весьма противоречивы, и в том, что они не соответствуют действительности, не может быть сомнения.

Министр государственной безопасности
Татарской АССР генерал-майор Д. Токарев.

Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 1, оп. 2, д. 2, л. 15-22.

Публикацию подготовил
Ровель Кашанов,
директор Музея УФСБ РФ по РТ

